

Поместье генерала.

Юноша полулежал на мягкой тахте и уплетал арбуз, а капля сока с кончика пальца упала на ковер из золотистой парчи.

Напротив него душа седовласого старика кружилась волчком на месте, а его борода от бешенства стала полупрозрачно-синева-фиолетовой.

Сорок девятый раз! Жэньчжэнь Лин завернулся веревкой и воспарил к балке, сердито глядя на него: За этот месяц! Ты призывал меня обратно уже сорок девятый раз! Ты видел хоть одного наставника, который после смерти стал призраком, а теперь должен подрабатывать собеседником для ученика? Знаешь ли ты, что дворец Яньло в этом месяце даже не сможет выполнить план по показателям эффективности!

Танси Чэнь даже не поднял головы. Древний парень понятия не имел, что за план такой он тут выдумывает, а даже если бы и знал — ему было бы всё равно.

Он взмахом руки метнул талисман фиксации души, и косичка старика тут же с хлестом прилипилась к резной деревянной балке: Наставник в своё время обещал растить меня, пока я не вырасту, и что в итоге? Стоило мне уйти в поход, как ты втихаря помер.

Услышав это, Жэньчжэнь Лин впал в ещё большее отчаяние: Да твой наставник думал так лишь потому, что ты медленно учился! Ты уже всё освоил, и мне больше нечему тебя учить. Ради тебя я дотянул до ста двадцати лет, предки мои, пощадите же меня!

Танси Чэнь оставил его вопли без внимания. Подумать только, этот старик взял и внезапно помер, напугав его так, что он целых два дня предавался скорби, а этот мертвяк еще и приснился ему в снежном кошмаре, дабы высмеять его за то, как некрасиво он ревел.

Послушный ученик, если тебе скучно, давай наставник позовёт твоих родителей подняться сюда и составить тебе компанию, а? Старик потирал руки: Мне ведь нужно переродиться, опоздаю — и живого места в очереди не останется.

Танси Чэнь, зажав во рту леденец на палочке, перевернулся на другой бок, и служанка из бумаги тут же сменила ему подушку из лебяжьего шелка на новую.

Юноша лениво протянул руку и потянул за веревочку, выдернув наставника из деревянной балки, точно редиску: Не нужны мне они, они умеют только напоказ выставлять свою любовь, видеть их не хочу. К тому же, в прошлый раз ты говорил, что торопишься на перерождение, а в итоге убежал играть в сверчков со старым судьей в подземном царстве.

Ничего подобного! Старик почувствовал себя виноватым, но вдруг нахмурился и озадаченно спросил: Откуда ты знаешь?

Мой отец сказал.

Ну погоди у меня, сорванец, вернусь — задам тебе! Он подлетел и ущипнул юношу за щеку: Ученик, а тебе не скучно? Хочешь, наставник найдет тебе кого-нибудь для забавы?

Танси Чэнь оттолкнул его руку и с безразличным видом поднял на него взгляд.

Хочешь, наставник посчитает, где прячется предводитель северных земель, и ты пойдешь с ним подраться?

Не пойду, я ещё в прошлом месяце победил, неинтересно.

Старик с неловким видом проговорил: Ну... тогда... у меня есть друг, ныне занимающий пост Великого предсказателя, с ним очень весело. Я не могу предсказать твое будущее, зато он — запросто. Если тебе скучно, ступай к нему.

Своих друзей не предают, чужих — тем более.

Эх... Танси Чэнь хоть и не испытывал особого интереса, но всё же снял со старика свой талисман фиксации души.

Прощай навек, ученик.

Юноша окинул взглядом опустевшее Помесье генерала, взмахнул рукой, и даже служанки из бумаги исчезли.

Разве это одиночество?

—

Когда Танси Чэнь в расшитых золотом оленьих сапожках ступил на Курган брошенных тел, восьмиугольные медные колокольчики на его поясе звонко зазвенели вразнобой.

Юный генерал шагал с беззаботным видом, хотя, если присмотреться, чей-то лопань был перевернут вверх дном.

Тонкими пальцами он приподнял прядь волос складным веером, черные как смоль волосы были кое-как завязаны красной веревочкой в небрежный даосский пучок, а меж прядей красовалась наполовину воткнутая кисть с киноварью — хм, её он стащил у Великого предсказателя.

Предрешенный судьбой человек обладает женственной сущностью инь и явится в час собаки в

месте, где свирепствует мертвенная ци... Что за бред, у кого это предначертанный судьбой человек появляется на Кургане брошенных тел... Неужели карта судьбы вздумала шутить над юным господином! Бормоча пророчество, он откинул веером из нефрита и кости гниющие листья. На лицевой стороне веера красовался насмешливый автопортрет, а на обороте мерцал фривольным синеватым светом ковш Большой Медведицы.

Этот ненормальный старый Великий предсказатель вдруг с того ни с сего предсказал ему брачную судьбу да еще и пригрозил, что если он не явится немедленно, то останется одиноким до конца дней и непременно пожалеет об этом...

Как раз в это время у Танси Чэня выдался перерыв, войн не было, и ему было смертельно скучно, вот он и поперся сюда словно замороженный.

Впрочем, он подозревал, что это проклятый наставник счел его надоедливым и подговорил старика-предсказателя нести чушь про предначертанную судьбу!

Юноша беспечно озирался по сторонам, совершенно не заботясь о том, что его верхняя одежда из вороненого узорчатого шелка испачкана трупной землей. Его воины ни за что бы не догадались, что почтительно склоняющий голову при дворе нефритовый военачальник, что прославленный своей мудростью и отвагой юный полководец на поле боя, в этот момент носками сапог, украшенных восточным жемчугом, пинает черепа в поисках будущей жены.

Да-да, всё верно, с самого начала и до конца этот человек искренне верил, что ищет себе жену.

Завести роман на Кургане брошенных тел? Старец Луна, должно быть, до чертиков напился, а потом перепутал брачную нить судьбы юного господина с леской и раскинул её где попало?

Шелковые сапоги с вышитыми серебряной нитью журавлями нарочно растоптали половину берцовой кости, спугнув стаю воронов, что с шумом промчалась над темными волосами юного полководца, но он и бровью не повел.

Если бы в этот момент мимо проходил случайный прохожий, то он, пожалуй, умер бы от страха при виде такой картины.

Среди усыпанных гниющими трупами земель словно небожитель прогуливался некто, к чьему поясу крепился нефритовый свисток с фиолетово-золотым талисманом Управления астрологии, а на запястье позвякивали детские серебряные колокольчики для изгнания нечистой силы.

Жутко и в то же время божественно.

Неужели этому генералу суждено жениться на повешеннице? Ни за что. Как-то это нехорошо, а? Юный генерал раскрыл нефритовый веер, прикрывая нос и рот. Четыре иероглифа «поднебесная в мире и покое», начертанные поверх автопортрета на веере, посерели от

испарений мертвечины.

Командир тайной стражи замер за его спиной, собираясь что-то сказать, но промолчал, наблюдая, как его господин веером приподнимает покров с лица свежего женского трупа, и тот с самым серьезным видом комментирует распухшее лицо: Межбровье почернело — дурной знак.

У командира тайной стражи дернулся уголок рта. Разве оно могло не почернеть? Мало того что почернело, оно еще и сгнило напрочь.

Этот... ну он же уже переродился...

А? Довольно милая, но тоже ведь не человек. Он присел на корточки и уставился на трупик крошечного зайчика...

Командир тайной стражи решил, что его господин вовсе не собирается никого искать, ему просто безумно скучно.

Прошло неизвестно сколько времени, пока с юго-восточного угла не донесся слабый шорох.

Шаги Танси Чэня невольно ускорились. Раздвинув седьмой слой трупов, он обнаружил крошечного серебреноволосого горемыку с ног до головы в грязи. Тот жался в груды тел, словно пытаясь согреться о разлагающуюся плоть.

В ту же секунду, как Танси Чэнь увидел его, он надолго замер — черепаховый панцирь в рукаве внезапно раскололся: Звезда одиночества, обвитая узами смертельного бедствия.

Он насмешливо фыркнул: Звезда одиночества, и при этом на другом конце нити судьбы переплетенная с его собственной судьбой. Что это должно значить?

У какого порядочного человека жена оказывается Звездой одиночества?

К тому же, это явный парень!

Хотя... чья там жена... мда... впрочем, кажется, тоже сойдет.

Только вот эта Звезда одиночества...

Если брачная судьба этого генерала и впрямь настолько злосчастная? Завтра же снесу эту проклятую обсерваторию!

Он на мгновение прикрыл глаза, успокаивая эмоции.

Эй, котенок. Рукояткой веера он откинул серебряные пряди, обнажив миловидное, но сплошь покрытое шрамам личико юноши. Танси Чэнь нахмурился и ткнул пальцем в холодную щеку парнишки: Здесь спать не положено.

Не дождавшись ответа, он хотел было поднять его на руки и унести, как вдруг в тот самый момент, когда он коснулся чужака, заметил, как затрепетали и приоткрылись его ресницы.

Запачканная кровью и нечистотами рука подростка оттолкнула его, и раздался тихий голос: Не ешь меня... я грязный...

Что? Танси Чэнь не сразу сообразил, что тот имеет в виду, помог ему подняться и брезгливо бросил: Ерунда какая, никто тебя не сожрет, от тебя же несет за версту.

Маленький парень вцепился пальцами в полу его одежды, и ранки на кончиках его пальцев оставили темно-красные разводы на мантии с вышитыми звездами: Не... трогай... меня...

Прятавшийся на ветке стражник уже собирался подать знак тревоги, как вдруг юноша неожиданно разжал пальцы, снова уселся на землю и сжался в комок: Оставьте меня...

Бедняжка, Танси Чэнь изначально не верил ни в каких предначертанных судьбой людей, но в ту самую секунду, когда появился этот малыш, у него в груди отчаянно защемило. Сколько тебе лет? Как звать?

Подросток открыл глаза, чуть приподнял голову и неожиданно для себя столкнулся с полным сложных эмоций взглядом этого донельзя смазливового человека.

Он разомкнул губы: Тринадцать, Лу Янь.

Его пальцы, перепачканные то ли мозгами, то ли гниющим мясом, вывели на багровой верхней одежде собеседника с вышитой картой звездного неба кривые знаки. Последняя черта иероглифа Янь свирепо ткнула ему в грудь: Янь — от слова «отвращение», моя покойная матушка прокляла меня перед смертью.

Он намеренно позволил этому божеству измазаться крошечной капелькой грязи, надеясь, что тогда тот отстанет от него, ведь он больше не желал терпеть издевательства.

Услышав это, Танси Чэнь на миг замер, присел на корточки, укутал его собственным плащом и платком, расшитым сливами, перевязал мальчишке гноящиеся лодыжки, а затем тихо заговорил, словно баюкая: Хочешь пойти с генералом домой учиться тушить свиные рульки?

Лу Янь дрожал, сжавшись в луже зловонной крови. Глядя, как этот человек незнамо чем перевязывает его сочащиеся гноем раны, он ощутил в груди странный прилив обиды и глухо бросил из-под соболиной опушки: Я навлекаю бедствия.

Поэтому оставь меня.

Однако его пальцы украдкой обвили холодную, словно пахнущую снегом прядь черных волос чужака.

Танси Чэнь рукавом смахнул с его лица невесть откуда взявшуюся грязь, поднял парнишку на руки и заставил встать прямо, прежде чем отпустить.

В суете Лу Янь сорвал алую ленту, вплетенную в волосы юноши, и его черные как смоль волосы водопадом рассыпались при кровавом свете луны. Пятна грязи на подоле юного генерала делали его похожим на сошедшего на грешную землю и помимо воли испачканного прахом земных невзгод небожителя.

Послушней, — юный генерал зубами сорвал позолоченную пробку и влил в горло подростка немного сливового вина, чтобы тот согрелся: Воды больше нет, попей пока этого.

Помолчав, он добавил: Раз генерал подобрал тебя, значит, ты теперь мой. А ненавидеть меня или нет — решать генералу.

Кхе-кхе-кхе! Лу Янь неожиданно поперхнулся вином, которым его напоили. И без того донельзя ослабленный, от хмеля он соображал еще хуже.

Он поднял взгляд на стоящего перед ним человека и сквозь туман услышал звон нефритовых подвесок — звук этот напомнил ему то, как несколько месяцев назад тот самый отец бросил его на Кургане брошенных тел под звон падающих монет.

Сжавшись в роскошных соболиных мехах, он прикрыл глаза, позволяя Танси Чэню стирать мерзкую запекшуюся кровь из уголка его глаз, а на губах помимо воли заиграла насмешливая ухмылка.

Он насмехался над собой за то, что всё еще жаждет такого тепла.

Стражники подумали, что он смахивает на призрака, но вслух сказать не осмелились.

Танси Чэнь не обращал ни малейшего внимания на его отношение. С брезгливым видом он стянул с подростка всю грязную верхнюю одежду, облачил в собственный плащ, а затем собственными руками снял с запястья серебряный колокольчик и надел на него, приговаривая при этом: На счастье и здравие.

Стражник за спиной закатил глаза, наблюдая, как их прекрасный молодой генерал кутает чужого ребенка в снежный комок из шкур, да еще как попало. Мало того, этот чудака засунул ему вдобавок еще и пакетик кедровых орешков.

Лу Янь смотрел на несравненно горделивого и изысканного человека перед собой, опустив взгляд и дрожа, забившись в его роскошные соболиные меха.

Маленький горемыка прижимал к груди подsunутые им кедровые орешки. Оказывается, тепло ощущалось именно так — от него жгло во внутренних органах до умопомрачительной боли, но в то же время безумно хотелось испытать эту жажду тепла снова. Его детский голосок прозвучал хрипло: Почему?

Нипочему. Генералу как раз не хватает милого заморыша, чтобы греть ноги.

Танси Чэнь и не думал считаться с его отношением. Он снова подхватил его на руки и зашагал вперед, приговаривая: Сразу договоримся: будешь ходить за мной — придется учить «Четверокнижие» и «Пятикнижие», а еще цитрус, шахматы, каллиграфию и чайную церемонию.

И еще научишься тушить свиные рульки в гробу.

А главное — будешь греть генералу ноги.

Уф, нос воротишь? Ну всё, отныне звать тебя Цыпленком.

Мне тринадцать лет.

М-м, тринадцатилетний цыпленочек.

Вдали раздавалось карканье воронов, а маленький подросток, не отрывая глаз глядя на капельку крови в черных волосах человека перед ним, думал: это я испачкал этот лунный свет.

<http://bllate.org/book/22283/2333096>